

Люциен Соулбан

АЛТАРЬ КИРЕНЫ

Столбы пыли вздымались над поверхностью Кирены; небо не в силах больше было проливать свои слезы. Слой мелкого праха заполнил стратосферу и теперь ронял вниз бесчисленные хлопья удушающего пепла. Время от времени, когда сброшенные с орбиты масс-ускорительные снаряды поднимали в воздух облака гари и раскалывали землю, над поверхностью проносились раскаты грома. Снаряды были выполнены в виде десятитонных металлических статуй, изображающих Императора. Каждая боеголовка отправляла в небеса все больше пыли и порожденного пламенем пепла. Каждая боеголовка была восклицательным знаком в литании против ереси и еще одним молотом, брошенным во имя экстерминации и тотального уничтожения каждого еще живого жителя Кирены. Хаос создал себе плацдарм, но он оказался походя растоптан могуществом Империиума, и агония планеты теперь использовалась как предостережение для всех колеблющихся.

Черный флот Адептус Астартес завис над Киреной, изливая вниз волю Ордо Маллеус. Ни одно судно не могло без разрешения миновать облака праха, хотя бегущие корабли порою пытались прорваться сквозь пылевую завесу – все они вскоре падали обратно, сбитые плотным огнем кораблей блокады. Корпуса чернели, и языки пламени прорывались сквозь швы внешней обшивки, когда они валились на поверхность, добавляя еще больше неразберихи к творящемуся там аду. Лишь «Громовые Ястребы» и десантные корабли флота проходили свободно, эвакуируя раненых и неся в бой свежие войска. Далеко под неподвижным флотом медленно вращалась Кирена, один за другим подставляя под обстрел города на своей поверхности.

Гром все еще гремел вдали, но земля содрогалась неровным пульсом от удара снарядов, выпущенных флотом в лицо этого мира. Кирена стенала под мстительной пятой Ордо Маллеус. Если Гэбриэль Анджелос, седовласый капитан Кровавых Воронов, и ощутил приближение конца, то он проигнорировал это, будучи занят более насущными делами. Под ударом его бронированного ботинка дверь развалилась на куски. Он мог бы оставить ее в покое, пройдя сквозь зияющий пролом в стене дома, но, начиная с этого утра, он был совершенно не в том настроении. Капитан миновал дверь; его доспех цвета крови с позолоченным крылатым черепом на нагруднике стал темно-сангвиновым в свете языков пламени вокруг. Блеснули два вживленных в лоб серебряных штифта за выслугу лет. – Где же он?! – в отчаянии взревел Гэбриэль.

Библиарий Исадор Акиос ничего не ответил. С ловкостью, противоречащей размерам громоздкого доспеха, он зашагал по обломкам. Черты его лица были столь же жесткими, как и у Гэбриэля, а тайные свитки, свисавшие с наплечников, слегка развевались от ветра. Несмотря на возвышающийся над шлемом психический капюшон, украшенный крылатым черепом, Исадор почему-то казался меньше капитана Кровавых Воронов. Казалось, что непоколебимая уверенность Гэбриэля добавляет ему и без уже того внушительного роста. Капитан знал, что Исадора не так-то легко испугать. Он был могучим библиарием на службе Кровавых Воронов, самым сильным из всех, кого знал Гэбриэль. Тем не менее, капитан все еще затмевал его.

– Если его здесь не окажется, – сказал Исадор, осторожно подбирая слова, – могу я

посоветовать вернуться к нашей непосредственной задаче?

Гэбриэль промолчал. Он направился в глубину дома и уперся плечом в перегородивший дверь кусок рухнувшей колонны. Сервоприводы экзоброни коротко заскулили, когда он одной рукой отбросил в сторону тяжелый каменный обломок; затем капитан зашагал дальше в темноту. Гэбриэль знал, чего ожидать, но должен был убедиться своими собственными глазами.

Ничего. Комната оказалась пуста.

– Капитан? – произнес Исадор.

Гэбриэль продолжал молчать. Он был не в настроении слушать.

– Друг мой, – наконец повторил попытку библиарий. – Я не чувствую здесь ничьих мыслей. Он сбежал.

– Нет!

Гэбриэль развернулся, по самое запястье вбив кулак в стену.

– Эсмонд никогда не бежит, – капитан вытащил руку из стены и отправился обратно мимо Исадора. – Запомни мои слова.

– Надеюсь, он достоин такой похвалы, – ответил Гэбриэлю библиарий, вслед за ним выходя из здания.

Они остановились меж разрушенных строений, столбами дыма кровоточащих в ночное небо. Звуки ведомого неподалеку болтерного и плазменного огня обрывали чьи-то крики; дальше, в центре Бастиллиуса, гремели взрывы, осыпая окружающие кварталы обломками. Капитан, однако, мало что слышал из этого. Этот ад был ему знаком, эта песнь войны была его обращением к Императору.

– Гэбриэль, – произнес Исадор. – Посмотри вокруг. Мы здесь, чтобы быть свидетелями происходящего. Мы последние, кто может видеть этот мир живым. Мы должны вернуться к Серым Рыцарям прежде, чем твои поиски принесут вред Кровавым Воронам.

Гэбриэль развернулся на каблуках и подошел к Исадору, глядя ему прямо в глаза и пронзая колючим взглядом.

– Ты хочешь сказать, что Кровавые Вороны не встанут рядом со мной в этом деле?

– Мы встанем, – сказал Исадор. – В какое бы дерьмо ты не ввязался, мы будем на твоей стороне.

– Но?

– Взглянем на все это беспристрастно. Мы последуем за тобой, но все же не стоит злоупотреблять нашей верой в тебя. Что значит жизнь одного человека в этом кошмаре? – Исадор развел руки, словно охватывая разрушения вокруг.

– Ничего, – признал сквозь зубы Гэбриэль.

Исадор кивнул.

– Ничего.

Вокруг них были лишь руины, понял Гэбриэль, почерневшие остовы пустых зданий, крики о помощи и росчерки света, несущие смерть всему на своем пути.

– Вернемся к «Лендспидеру», – сказал капитан. – Проведем разведку для наших братьев Серых Рыцарей. Что до меня... что до меня, я сделаю то, что должен, если встречу с ним.

– Я... – начал Исадор, но Гэбриэль остановил его, погрозив пальцем.

Наконец, библиарий кивнул.

– Хорошо, – сказал он со вздохом. – Я помогу. Если только это защитит тебя от самого себя.

Гэбриэль улыбнулся.

– Я знал, что ты силен в таких вещах, брат.

Он подошел к «Лендспидеру», парящему с нескольких дюймов над землей посреди пустой улицы.

– Капитан, – остановил его Исадор.

Гэбриэль повернулся, увидев, как библиарий всматривается вглубь завесы из пепла. В

дымке мелькнули танцующие огоньки, и землю сотряс сокрушительный спазм.

По видимой части шлема библиария заструились сполохи энергии.

– Там, – прошептал Исадор, – сражаются псайкеры.

Капитану был знаком тон, которым были сказаны эти слова. То был глас войны, исполненный ожидания битвы. Коснувшись наушника вокса, Гэбриэль заново настроил его на прием умолкнувших переговоров вокс-сети.

– свитой... Лорд-инквизитор Ка... погиб... столкнове... упорное сопротивление псай...

Район Грегориаск... – прокричал чей-то голос, прежде чем наушник затопил вой помех.

Невзирая на тяжелую броню, оба десантника ловко запрыгнули на сидения спидера.

Исадор включил ускорение, заставив транспорт скользить над заваленным обломками улицами.

– Всем Кровавым Воронам в районе Грегориаска, – передал Гэбриэль. – Сбор в точке пеленга моих координат.

Они направлялись напрямик в дымовую завесу впереди.

В клубящихся облаках пыли окружающие здания казались призраками; развернувшаяся впереди битва проявлялась лишь кратковременными вспышками света и приглушенными криками. Исадор вел спидер, обходя препятствия прежде, чем те появлялись из пыльной пелены в нескольких метрах впереди. Обломки проносились мимо Гэбриэля, но он не обращал на это внимания, сконцентрировавшись на том, что находилось дальше. Он наполовину привстал на сидении, свесив одну ногу вниз и приготовившись к прыжку. Они миновали уничтоженный «Носорог», пластины брони которого разошлись в стороны, словно металлические лепестки какого-то цветка. Вспышки впереди снова привлекли внимание Гэбриэля. Транспорт замедлился, и капитан выпрыгнул со своего места, на мгновение отправив себя в полет сквозь дымку. Он приземлился, без остановки пробежав несколько метров, и затем прыгнул вновь.

Впереди из дымки появился псайкер со скрытым капюшоном лицом. Символы скверны покрывали его одеяние, а тело испускало зловоние тьмы. Металлические трубки вились по задней части черепа псайкера, губы застыли в акульем оскале, а на месте глаз светилась адским огнем пара плавающих углей. Энергия циркулировала вокруг него, словно саван, и псайкер швырнул ее сполох в темноту, пытаясь попасть в Исадора. К тому времени, как он заметил атакующего Гэбриэля, было уже слишком поздно. Капитан вжал дуло болт-пистолета в висок чудовища и выстрелил, сбивая его с ног и швырнув на землю.

Гэбриэль даже не сбавил шаг.

На бегу он продолжал выискивать во тьме новые цели. Крики и выстрелы вперемешку с подвыванием двигателя «Лендспидера» и характерным «вумп-вумп» его штатного тяжелого болтера разорвали ночь позади. Из тумана выступил новый силуэт, на сей раз грузный и неповоротливый из-за протезов. Существо развернулось, заметив Гэбриэля. Капитан разглядел, что его руки были заменены мелта-пушками и цепным клинком, верхняя часть тела была опутана пресервационными трубками и закрыта бронелистами. Один глаз отсутствовал, замененным большим имплантатом. Это был инквизиторский орудийный сервитор, отслеживающий движение с помощью сервочерепа. Сервитор кивнул Гэбриэлю, открыв огонь в темноту, выплескивая священный гнев на какого-то невидимого врага.

Гэбриэль широко развернулся на бегу, следуя за направлением сверхнагретых термальных разрядов, но при этом держа дистанцию, дабы высокая температура не поджарила его самого. Что-то открыло ответный огонь по сервитору. Дымка разошлась под воздействием разрушительного воздействия грубого психического удара. Заряд энергии расколол и расплавил землю на своем пути, поразив сервитора в грудь. Он кричал, когда раскаленное добела пирокINETическое пламя пожирало модернизированное тело. Гэбриэль ускорился, зная, что будет следующим. Огонь воспламенил пирум-петроловые газы в топливопроводах сервитора, и добрался до подкожных резервуаров. Последовавший

взрыв разметал сервитора на две дюжины кроваво-красных метров вокруг.

Ударная волна подбросила капитана в воздух. Он приземлился, упав, и вновь поднялся на ноги, продолжая высматривать своего врага, словно ничего не случилось.

Псайкер выдал свою позицию, засмеявшись над участью сервитора. Гэбриэль сжал зубы и ринулся на звук. Он мчался в темноту; неожиданность стала его лучшим оружием. Дымка разошлась, явив мутанта с вывернутой на сто восемьдесят градусов шеей и вытянутым обрамленным бородой лицом. Его четыре глаза по очереди моргнули, и чудовище с ядовитой усмешкой уставилось прямо на Гэбриэля. Неприятность оказалась не на стороне капитана.

Прежде, чем Гэбриэль смог вскинуть пистолет, псайкер выпустил новый разрушительный заряд пси-энергии. Капитан кувыркнулся в сторону, сумев избежать энергетического импульса, что мог разорвать его на куски, но не волны сверхнагретого воздуха, несущейся следом. Даже несмотря на доспехи, кожа на шее и волосистой части головы покрылась ожогами. Он открыл огонь с земли, проделав внушительные дыры в груди и черепе своего противника. Монстр рухнул на землю.

Гэбриэль поднялся на одно колено, когда в поле зрения появился третий псайкер.

Электричество потрескивало вокруг огромного тела; даже надетая ряса не могла скрыть под собой уродливую тушу. С выработанной годами точностью капитан коснулся наушника вокса.

– Умри, – прошипело существо, вскидывая руку.

– Только если Император прикажет мне, – ответил Гэбриэль.

Прежде, чем псайкер успел отреагировать, из дымки появился «Лендспидер» Исадора.

Летательный аппарат протаранил мутанта фронтальной решеткой, обезглавив его.

Наушник Гэбриэля снова заговорил, и из завесы дыма выступило отделение Серых Рыцарей. Их доспехи были цвета полированного серебра и украшены сияющими темным золотом выгравированными рунами. Они по-настоящему впечатляли, и любой человек преклонил бы колени в знак почтения, но Гэбриэля этим могучим служителям Ордо было не так легко испугать. Он кивнул Рыцарям, оставшись стоять. Он приветствовал их как равных.

Апотекарий Серых Рыцарей обрызгал спреем ожоги на шее Гэбриэля. Раны кальцинировались, затянувшись мертвой грубой кожей, пока апотекарий зачитывал литанию исцеления и удалял струпья. Лицо капитана не шевелилось, пока умелые руки отрывали большие куски кожи. Его мысли были далеко.

– Мы засекли свободных псайкеров в этой области и были уже в пути, чтобы выжечь их огнем. Но, похоже, вы нас в этом обставили, – сказал апотекарий.

Краем глаза Гэбриэль увидел сержанта Каинэ из Кровавых Воронов, стоящего рядом с Исадором. Оба ждали, пока апотекарий завершит свои ритуалы исцеления.

– Мы закончили, добрый брат? – спросил капитан Серого Рыцаря.

– Почти, – ответил тот, вонзив гипоиглу в шею Гэбриэля.

Жгучая жидкость влилась в яремную вену капитана, уничтожая попавшие в кровеносную систему инфекционные агенты.

Гэбриэль потерял шею и подошел к Каинэ и Исадору. Им пришлось дожидаться, пока апотекарий выйдет из зоны слышимости.

– Мы не использовали каналы вокс-сети, как вы и велели, – сказал Каинэ капитану.

– Тебе удалось найти его? – спросил Гэбриэль.

– Нам удалось, брат-капитан. Брат Ульрэй и его отделение держат Эсмонда в бункере святого Беллстуса в Новом Карните.

– Мы должны спешить, – произнес Исадор. – Серые Рыцари прочесывают местность, уничтожая все на своем пути. Если они застукают брата Ульрэя охраняющим беглеца... сам понимаешь, что произойдет.

– Хорошо, – ответил Гэбриэль. – Спасибо за помощь, брат Каинэ. Возвращайся в свою

зону зачистки и постарайся не вызвать подозрений у Инквизиции. Выполняйте все их требования. Если они спросят обо мне, не скрывай правду о моих мотивах. Я не хочу втягивать в это дело кого-то еще.

Коротко кивнув, брат Каинэ ушел, чтобы присоединиться к своему отделению.

– Нужно торопиться, – повторил Исадор.

Вопросительно вскинув бровь, Гэбриэль посмотрел на библиария.

– Я удивлен, – произнес он. – Я думал, ты считаешь мои действия ошибочными. Зачем теперь поощрять мое желание увидеться с Эсмондом?

– Затем, что если ты этого не сделаешь, – ответил Исадор, – то будешь все время сомневаться, верно ли поступил. А если ты будешь сомневаться, то не сможешь сосредоточиться на своих обязанностях. Подобное всегда плохо заканчивается.

– Ты надеешься, что, сделав это, я смогу очистить свои мысли.

– Я желаю тебе обрести ясность, Гэбриэль. Я знаю тебя. Ты силен, пока остаешься точным инструментом воли Императора. В твоём сердце не должно оставаться места для чего-либо еще.

– Хорошо, – ответил капитан, сделав паузу. – Я мог бы велеть тебе остаться.

– Мог бы, – сказал Исадор, забираясь в «Лендспидер»; он занял место водителя и всмотрелся в даль впереди. – Но зачем провоцировать меня на нарушение приказа?

Кривоватая улыбка тронула уголки губ Гэбриэля. Он сел на пассажирское сиденье и стал наблюдать за тем, как удаляется земля, пока «Лендспидер» уносился вверх.

Свежий ветер с Канарринских гор дул над Бастиллиусом, унося прочь большую часть пепловой завесы, но ничего не в силах поделаться с открывающимся за ней видом. Город пылал; движимые своим вечным голодом, повсюду распространились пожары, вынудив «Лендспидер» нырнуть под дымный полог. Транспорт скользил над разбитыми зданиями, раскаленными от огня колоннами и едва угадывающимися среди руин разрушенными островами.

Гэбриэль со своего места изучал улицы внизу, и апокалипсис родного мира предстал перед его взором во всех своих адских подробностях. По улице под ним промаршировало несколько отделений солдат из ударных отрядов Инквизиции, облаченных в красные одежды и защищенных металлически-серой броней. Стреляя через проломы и окна, они направили мощь своих мелтаганов на стоящее неподалеку здание, заставив укрывшихся там людей покинуть убежище, и затем вырезали всех обжигаящим залпом. Те, кто не смог покинуть здание, погибли в огненном inferно.

Немного дальше терминаторы Серых Рыцарей, выступающие в качестве артиллерийских подразделений, расстреливали бегущую толпу газовыми гранатами. Вдохнувшие ядовитые пары люди коротко вскрикивали, когда кислотные облачка выжигали их легкие. В конвульсиях они валились на землю, кожа людей вспучивалась, когда газ начинал пожирать соединительную ткань, прикрепляющую к костям плоть и мускулы. Спустя несколько минут агонии они умирали, превратившись в скелеты, обтянутые свисающей кожей.

Капитан ударил кулаком по двери «Лендспидера», отчего транспорт покачнулся. На двери осталась заметная вмятина. Исадор никак не отреагировал, но Гэбриэль знал, что библиарий скосил на него глаза.

– Они заслужили такую судьбу, – произнес Исадор.

– Знаю, – ответил сквозь зубы Гэбриэль, – но это моя...

Он замолк, но Исадор понимал, что хотел сказать его старый друг.

– Я помню эти улицы. Когда-то я жил здесь, – сказал капитан.

Исадор поначалу не ответил; Гэбриэль знал, что он не в силах оценить всю тяжесть этого признания. Библиарий вырос в монастыре, тренируясь контролировать свои силы, чтобы противостоять шепотам варпа. У него не было дома. Ничего такого, чью гибель он мог бы увидеть.

– Кирена была твоим домом столетия назад, друг мой, – сказал Исадор. – Почти все, кого ты знал, умерли. Их больше нет.

– Но не их детей, и не названий, что я помню, – ответил Гэбриэль.

– Ты сомневаешься в мудрости происходящего? – спросил библиарий, наморщив брови.

– Нет! – выкрикнул капитан, разозленный тем, что Исадор мог заподозрить его в ненавистнейшем из всех грехов: грехе сомнения. – Это справедливо! Даже если бы мне велели в одиночку всадить по пуле в каждого мужчину, женщину и ребенка здесь, я бы сделал это. Планета погрузилась в ересь, она насквозь пропитана порчей варпа!

– Тогда почему ты так зол?

– Потому, что они скатились к ереси. Мои люди, Исадор, весь мой мир! Он достаточно изуродован, чтобы санкционировать истребление до последней живой души. Они подвели Императора, и ради чего? Скажи мне. Ради чего они пожертвовали спасением своих душ?

– Не знаю, друг мой. И я рад этому.

– Посмотри на Инквизицию внизу. Посмотри на них, кудахчущих о своем долге. Это не спорт. Это праведное и святое дело, но... – обмякнув, произнес Гэбриэль, внезапно осознав, что чувствует себя уставшим.

– Но что? – спросил Исадор.

Гэбриэль посмотрел на библиария и не увидел ни подозрительного взгляда, ни чувства отвращения – лишь заботу о друге.

– Но, – сказал капитан, – действия Инквизиции – будто нашествие саранчи.

– Такова их роль во всем этом. Их долг. Их дело – быть чумой, что очистит планету от скверны.

– Я не оспариваю их место в плане Императора. Не оспариваю даже необходимость всего этого. Этот зараженный мир должен быть ампутирован, иначе ересь охватит еще больше планет. Я лишь обеспокоен тем, нет ли здесь хоть кого-то, кто заслужил бы быструю, спокойную смерть. Не все здесь поражены порчей. Ясно, что не все заслужили столь жуткую участь, не все имена должно вычеркнуть из истории. Не все оказались столь слабы, чтобы пасть. Я думаю, мы могли бы позволить им сохранить достоинство в последние часы.

– Кто мы такие, чтобы дать им этот шанс? – спросил Исадор. – Я предпочел бы обречь на смерть миллион невинных, чем позволить одному ложному мученику во тьме ускользнуть от нашего внимания. Ложные святые подрывают, нет, издеваются над святостью нашей веры. Запомни, здесь нет невинных. Так решила Инквизиция. Ересь распространилась слишком широко, чтобы кто-то мог не заметить ее присутствия. Если они знали о святотатстве, то повинны в бездействии. Если они не заметили столь очевидной порчи, то должны заплатить за свою слепоту. Здесь нет никакой невинности, Гэбриэль. Только ересь, и долг, велящий уничтожить ее.

Исадор сделал паузу, очевидно, обдумывая свои следующие слова.

– Помнишь, что сказал святой Галантейн?

Гэбриэль закрыл глаза, вспоминая строфы.

– Пусть каждая жертва будет уроком для других. Я жертвую своими глазами, чтобы другие могли видеть. Я жертвую своим языком, дабы вы не колебались, слышав сладкие речи. – Он открыл глаза, увидев, как Исадор одобрительно кивает. – Ты имеешь в виду, что Кирену не следует рассматривать в контексте ее собственного несчастья?

– Этот урок предназначен не для Кирены. Этот урок для других: невежество не синоним невинности. Впредь жители Империи будут более бдительны по отношению к служителям губительных сил, дабы их собственные миры не разделили подобную участь. Гэбриэль снова взглянул вниз и увидел множество парящих вокруг сервачерепов, наблюдающих за событиями и записывающих все происходящее для потомков. Странно, что он совершенно не замечал их прежде.

– Какое позерство, – сказал он сам себе.

– Но это необходимо. Иначе, зачем нам было ввязываться во все это?

В этот момент Гэбриэль увидел внизу какую-то вспышку и затем изогнутый дымный след.
– Ракета! – прокричал он, но было уже слишком поздно.

Ракета огненным шаром размолотила правое стабилизационное крыло «Лендспидера», отправив транспорт к стенающей земле. Вцепившись в дверную раму, Гэбриэль забормотал литанию безопасной посадки, пока Исадор боролся за контроль над спидером; в последний момент ему удалось выйти из пике, и транспорт заскользил на днище по разоренной улице, разламывая пласкрит.

«Лендспидер» замедлился, оба крыла превратились в обломки, из разорванных швов обшивки свисали искрящиеся кабели. Гэбриэль и Исадор выпрыгнули из транспорта, взволнованными, но целыми и невредимыми. Библиарий пробормотал благодарность духу машины «Лендспидера» за спасение. Капитан всматривался в пылающие остовы окружающих зданий, ища признаки нападавших.

Ждать пришлось недолго.

Из руин появилась небольшая группа людей, возможно десять или пятнадцать, чьи лица были суровы, а взгляды остры, словно ножи. Некоторые были из полков киренской Имперской Гвардии; другие несли оружие, снятое с убитых инквизиторов и солдат ударных отрядов. Не было видно никаких признаков скверны Хаоса. Исадор шагнул вперед, готовый атаковать собравшийся сброд, но Гэбриэль откашлялся, останавливая его. Библиарий взглянул на капитана. Его глаза выдавали замешательство.

Затем он понял.

Множество вооруженных Император знает чем людей пряталось в окружающих зданиях. Исадор расслабился, хотя капитан знал, что он готов высвободить грозную мощь своих псайкерских способностей по первому его слову.

Гэбриэль изучал медленно и осторожно приближающихся с оружием наизготовку людей. Капитан видел, что многие даже не понимают природы своего оружия. Никто не знал, как успокоить дух машины или произнести литании примыкания магазина и нажатия на спусковой крючок. Эти люди были злы, напуганы и жаждали крови.

Гэбриэль решил дождаться, пока люди выйдут из теней, чтобы оценить их истинное количество.

– Если вы думали напугать нас этим жалким сборищем, советую вернуться, когда вас будет больше, – сказал капитан, поворачиваясь, чтобы уйти прочь.

Вокруг десантников все больше сжимающих обрезки труб и другое импровизированное оружие людей появлялись из тени, отрезая путь. Дюжина стала толпой из двух сотен, и Гэбриэль и Исадор оказались в окружении.

– Я предлагаю вам быструю и безболезненную смерть, хоть это и больше, чем вы заслуживаете, – произнес капитан.

– Заслуживаем? – спросила женщина, чей голос походил на орлиный крик, а тело было покрыто мелкими ранами и слоем пыли. – Мы не заслужили подобного.

– Тогда чего вы заслужили? – спросил в ответ Исадор. – Благодарности за то, что позволили ереси разгореться под самым своим носом?

– Мы не еретики! – выкрикнул старый гвардеец, вскидывая ампутированную в локте руку.

– Я потерял руку, служа Императору!

– И все же, теперь ты осквернил значение этой чести, – сказал Гэбриэль. – Как жаль, что вы не смогли послужить Императору здесь, когда это было по-настоящему важно. Лучше нам избавить Его от такой пустой преданности.

Старик зло сплюнул и поднял лазган, намереваясь открыть стрельбу. Гэбриэль оказался быстрее и выстрелил первым. Голова гвардейца взорвалась, замарав стоящих поблизости. Толпа разразилась криками, некоторые побежали, остальные ринулись вперед, намереваясь разорвать десантников голыми руками.

Исадор вступил в бой, его доспех окутался электрическими разрядами, когда библиарий взмахнул прикрепленным к броне кабелями психосиловым топором, рассекая сразу двух

или трех человек.

Гэбриэль более не пытался сдержать свой гнев. Его самообладание рассыпалось как карточный домик, давая трещины с каждым всплеском жестокости, направленной на своих сограждан. Он яростно ринулся вперед, поле зрения сузилось до уязвимых точек в толпе. Он неистовствовал посреди моря бросающихся вперед тел, пытающихся разорвать его на куски.

— Как вы могли допустить это?! — прокричал он, сокрушая троих людей ударом руки в латной перчатке. — Как вы могли позволить этому случиться?! Вы дали ереси угнездиться в собственной тени! Неважно, по незнанию или из лени, но вы сами сделали это с собой! Толпа взревела в гнев, и на десантников обрушилась новая волна тел. Гэбриэль уже не мог видеть Исадора.

— Как вы посмели сотворить такое с моим домом? — оглушительно прокричал капитан, повергая сразу двух или трех атакующих каждым выстрелом из болт-пистолета.

— Все, что я знаю, — продолжил Гэбриэль, бросая какого-то человека в нескольких других, — что монумент святому Гарраину, бахселланские фестивали, Веснорожденные озера, зимние огни юга, все потеряно благодаря вам!

— Как вы можете так поступать с нами? — выкрикнул кто-то. — Как вы можете убивать своих собственных людей?

— Будьте вы прокляты! — взревел Гэбриэль. — Будьте прокляты за то, что навлекли на себя кару, будьте прокляты за то, что заставили меня стать вашим палачом! Кто, по-вашему, узнал об этом позоре? Кто призвал сюда Инквизицию?

— Ты предал нас, — сказал кто-то, прежде чем капитан отшвырнул его ударом ноги.

— Я вас не предавал, — выкрикнул Гэбриэль, не пытаясь сдержать негодование. — Я лишь поднял камень и увидел под ним червей! Вы сами себя предали!

Еще больше тел навалилось на десантника, но ничто не могло сдержать его ярости. Он убивал всех, кто оказывался поблизости, обрывая жизни жестоким милосердием ударов и выстрелов.

Двое десантников молча продвигались к самому сердцу Бастиллиуса, где дома лежали груды пылающих обломков, а вороны пели серенады трупам. Шаги Гэбриэля были тихи, а мысли темны, словно окружающая его ночь. Исадор хранил молчание. Гэбриэль видел, как он оживился после бойни, возможность искоренить ересь стала весомым подтверждением его собственной веры в Императора. Но библиарий также был достаточно мудр, чтобы не озвучивать подобные мысли. Для Гэбриэля это была не победа. Это был тяжелый долг, и Исадор знал Гэбриэля достаточно долго, чтобы заметить разницу.

Они продолжали свой поход через город, и Гэбриэль был преисполнен решимости достичь бункера святого Беллстуса в Новом Карните. Оба были пропитаны смертью, каждая их жертва оставляла частичку себя на броне. И они шли потому, что Гэбриэль отказывался связаться с кем-либо по воксу, не желая втягивать еще больше своих людей в личные поиски или выдавать их местоположение.

Гэбриэль и Исадор стояли на вершине холма, когда-то увенчанного монолитными зданиями. Теперь от них остались только разделенные улицами руины. Гигантские бульдозеры сгребли обломки в грубое подобие укреплений, которые окружали расположившийся у подножья холма Лагерь Распятых. Гэбриэль и Исадор уставились вниз, их разумы были не готовы к открывшемуся перед ними виду.

Лагерь Распятых простирался во тьму на мили. Десятки тысяч жителей Кирены были распяты на крестах, их безжизненные — или почти безжизненные — тела свисали с перекалин, умирая от медленного удушья. Никто из них не мог кричать, и стаи воронов делали это за них. В хаотичном лабиринте подвешенных тел лениво летали сервочереп, снимая происходящее как предупреждение тем, кому еще только предстояло столкнуться с ересью.

Гэбриэль с Исадором не произнесли ни слова. Их удивление продлилось всего миг, достаточно длинный, чтобы осознать, что они еще не сталкивались с подобным ужасом. Но этот миг прошел, и пришло время идти дальше.

Их путь вел через руины, сквозь проломы в высоких завалах обломков, мимо обнаженных, пронзенных ног распятых и сквозь лес крестов. Они шли около часа; некоторые жертвы еще шевелились, но большую часть шума издавали трупные мухи, откладывающие свои яйца в мертвых, и вороны, наслаждающиеся этим неожиданным пиром.

Звук выстрела из лазгана остановил пару. Гэбриэль и Исадор замерли, задержав дыхание, чтобы лучше слышать. Секунду спустя прозвучал еще один приглушенный выстрел.

Они двинулись в направлении звука, внимательно оглядывая окрестности. Третий выстрел, наконец, вывел их на черноволосого солдата Имперской Гвардии. Он был молод и без следов шрамов или кибернетических улучшений, новичок в Силах Оборона Кирены, а теперь и один из обреченных. Он выглядел сломленным, одежда порвана и покрыта пылью, рука на перевязи после какого-то ранения привлекала трупных мух, а лазган бессильно болтался на боку. Он шел среди крестов, ища еще живых и бросая вызов инквизиции, которая оставила это мертвое место ради новых «полей смерти». Когда он находил того, кто еще дышал и истекал кровью, он стрелял им в лоб. Он не заметил космодесантников, пройдя мимо.

Глаза Исадора сузились, он сделал шаг вперед, намереваясь остановить гвардейца.

Гэбриэль положил руку на плечо библиария.

– Он не имеет права прерывать их страдания, – возразил Исадор, но Гэбриэль покачал головой.

Он достал свой болт-пистолет. В магазине осталось всего два болта. Сражение с толпой исчерпало боезапас.

Гэбриэль извлек один болт на закованную в латную перчатку ладонь – он мог пригодиться ему позже – и направил пистолет на солдата.

Он выстрелил.

Выстрел разорвал бицепс, солдат вскрикнул и бросился бежать, быстро исчезнув во тьме. Исадор уставился на Гэбриэля, не осмеливаясь озвучить свой немой вопрос. Капитан ничего не ответил и продолжил идти. Он позволил вопросу повиснуть в воздухе, но Исадор как никто другой знал: Гэбриэль редко промахивался.

Приближался рассвет, но небо оставалось темным, скрытое облаками сажи и пепла. Город был тих в эти ранние часы, гигантский конвой Инквизиции в спешке маршировал на запад, оставляя город готовиться к свиданию с орбитальными масс-ускорительными снарядами. Осталось меньше получаса.

Гэбриэль и Исадор достигли храма святого Беллстуса: старый бункер теперь был открыт взору небес. Снаружи он казался монолитным – приземистое прямоугольное здание, когда-то скрывавшееся глубоко под землей. Во времена вторжения орков, которое пронеслось по системе десятилетия назад, в бункере произошла чудовищная резня, орки прорвали оборону и убили тысячи скрывавшихся внутри. Когда Империя вернул мир, бункер откопали и превратили в храм.

Напротив единственного зияющего входа светловолосый брат Ульрэй и другой Кровавый Ворон, Акиос, ожидали рядом с «Лендспидером». Оба выглядели встревоженными. Когда Гэбриэль приблизился, Ульрэй быстро снял шлем и подбежал к капитану.

– Эсмонд у вас? – спросил Гэбриэль.

– Да. Мы схватили его при попытке сбежать из города.

Гэбриэль стиснул зубы, но больше никак не прореагировал на новость. Акиос смотрел в сторону: Гэбриэль знал, что ему обычно нравилось быть правым, но не в данном случае. Он не хотел оказаться прав насчет Гэбриэля, и это беспокоило капитана еще сильнее.

– Капитан, – произнес Ульрэй. – Инквизиция приказала нам эвакуироваться в город Сестра. Скоро начнется орбитальная бомбардировка. Я приказал своему отряду

выдвигаться, но...

– Ты все сделал правильно. – Взгляд Гэбриэля был прикован к входу в бункер. – Дай мне десять минут, затем вышли за нами «Громовой Ястреб».

– Как пожелаете, капитан, но поторопитесь. Он во внутреннем святилище. Мы заблокировали двери. Да пребудет с вами Император.

Ульэрй бросился к «Лендспидеру», второй Кровавый Ворон уже призывал дух машины, готовясь к полету. Они быстро исчезли вдаль.

– Дальше ты не пойдешь, – сказал Гэбриэль Исадору.

– Хорошо, старый друг, – ответил Исадор. – Но ты знаешь, чью волю должен исполнить тут.

– Есть только один Бог, и это мой Император, Исадор. Я – Его оружие, всегда и во всем.

– Я не сомневаюсь в твоей вере, Гэбриэль, – произнес Исадор. – На самом деле я восхищаюсь твоей уверенностью и завидую источнику, из которого ты черпаешь силы. Просто помни, что твои действия верны, даже если ты сам в этом сомневаешься.

– Я знаю, что мои действия верны, старый друг, – ответил Гэбриэль, направляясь к двери.

– Как и всегда, истина подтверждает себя через боль.

Никого не осталось, чтобы почтить мертвых, осознал Гэбриэль, идя по передней. Храм служил усыпальницей для черепов всех убитых в бункере святого Беллстуса во время вторжения орков. Теперь черепа лежали в забранных решетками нишах вдоль стен. Каждый был с молитвами раскрашен в красные и синие цвета, украшен покрытыми рунами знаменами и восковыми печатями. Через несколько часов все они будут погребены под руинами, никто не вспомнит их имен и не прославит их жизни. Через несколько часов к душам тысяч погребенных здесь присоединятся миллионы новых. Их голоса затеряются в хоре еретиков.

Гэбриэль достиг внутреннего святилища и обнаружил двойные двери скованными цепью. Оказалось несложно вышибить их тяжелым ботинком, разметав по полу обломки. Внутри освещенного свечами святилища находились собранные из черепов безымянных покойников колонны, алтарь для прихожан и четыре ряда скамей. Перед алтарем молился старик. Его глаза были молочно-белыми, лысая голова покрыта старческими пятнами, лицо полускрыто щетиной и грязью, а тело оплетено сетью из трубок и фильтров, пытая впрыскивающих омолаживающие жидкости в его организм. Старик заметил Гэбриэля и выпрямился: вызывающий жест, выглядевший словно опровержение его почтенного возраста.

– Ты пришел убить меня? – спросил Эсмонд скрипучим голосом.

– Не знаю, отец. Не знаю, – ответил Гэбриэль.

– Внимание! Всем подразделениям зачистки Бастиллиуса. Это последнее сообщение касательно эвакуации для всех служащих Инквизиции, Серых Рыцарей, ударных отрядов и Кровавых Воронов. Перегруппируйтесь в точке сбора в десяти милях к востоку от Сестры. Ожидается сильное сопротивление со стороны действующего XIV гвардейского легиона Кирены. Орбитальная бомбардировка начнется через десять мин... Гэбриэль дотронулся до наушника voxа за ухом, приглушая шум. Он рассматривал своего отца, который отвечал на взгляд с такой же ненавистью. Глаза старика блеснули в свете свечей.

– Куда ты пытался сбежать? – Спокойно спросил Гэбриэль. – Ты должен был знать, что уйти больше некуда.

– Я не умру в страхе, как животное, – выплюнул он.

– Нет, вместо этого ты заставил меня охотиться на себя, как на животное.

– Прости, но я не стану извиняться.

– Это не имеет значения, – сказал Гэбриэль, взмахнув рукой. – Я бы не принял твои извинения. Простить значит получить еще один нож в спину.

– Да. Представь мое изумление, когда нож, который я обнаружил в своей спине, оказался от моего собственного сына.

– Я поклялся защищать Империум от любой угрозы.

– Я не еретик, – произнес Эсмонд с механическим свистом в голосе.

– Но ты трус.

– Лучше быть трусом, чем мясником!

Вспышка Эсмонда вызвала у него приступ кашля. Он сплюнул черную жидкость. Несомненно, одна из его омолаживающих помп протекала.

– Это ничего для меня не значит. Мясник. Душегуб. Убийца. Меня называли так сегодня, вчера и неделю назад. И на следующей неделе я тоже это услышу.

– Ты... должно быть очень... гордишься, – процедил Эсмонд между приступами кашля.

– Горжусь? Да, ведь так я могу сражаться за Императора против любого противника. Но на этот раз противник включает жителей моего собственного мира, мою семью. С этим непросто справиться.

– Гэбриэль, ты предал нас. Ради уничтожения горстки еретиков, ты обрек всю свою планету. Свой дом, свою родную кровь!

– Их не горстка, отец. Ты считаешь меня настолько безжалостным? Порча разрослась, разрослась настолько, что ослепила вас всех.

– Мы не были слепы, – ответил Эсмонд, – и это не была ересь. Мы устали жить под властью Императора. Это было восстание против идеалов, а на религии.

– Так ты знал? – спросил Гэбриэль, его худшие опасения подтвердились.

– Я знал. И я приветствовал это. Наши идеалы были верны.

– Нет никаких идеалов, кроме идеалов Императора!

– Избавь меня от пустых мантр. Я учил тебя мыслить самостоятельно.

– Я так и делаю. С ужасающей отчетливостью, но я так и делаю. Надеюсь, ты понимаешь, что твои так называемые идеалы были лазейкой, через которую просочился Хаос. Люди сражаются с еретиками, наводнившими канализацию Андергаута. Все псайкеры Гимназиума следопытов оказались обращены, равно как и высокие чины Имперской Гвардии.

– Они заставят тебя поверить во что угодно. Они лгут тебе.

– Нет, это ты лжешь. Прихвостни Хаоса увели тебя с пути истинного, и ты пошел с ними в блаженном неведении. Ересь есть ересь, и она широко распространилась. Даже сейчас инквизиция допрашивает всех покинувших планету гвардейцев, и я сомневаюсь, что кто-то из них переживет пытки или уйдет безнаказанным!

– Кроме тебя.

– Что?

– Ты уйдешь безнаказанным, – произнес Эсмонд, набравшись сил для еще одного язвительного выпада. – Тебе нужно было это истребление, благодаря ему ты стал выше упреков и обвинений в случившемся. Последний невинный сын Кирены, однако...

– Однако что? – спросил Гэбриэль, пытаясь сдержать гнев.

– Однако ты тоже не видел порчи, пока не стало слишком поздно. Разве это не делает тебя настолько же виновным в собственной слепоте? Разве ты не совершил так называемый грех?

– Что это? Какая-то жалкая попытка заронить в мой разум зерно сомнения? Вины? Теперь ты даже говоришь как еретик.

– О, так ведь намного проще, не так ли? Куда проще убить еретика, чем собственного невинного отца. Хорошо, тогда убей меня. Делай то, зачем пришел. Но имей мужество взглянуть мне в глаза и признать мою невиновность.

Гэбриэль какой-то миг изучал отца, силясь найти подвох. Он ничего не заметил, но почувствовал дрожь под ногами. Она не прекращалась. На востоке началась бомбардировка, и она быстро приближалась.

– Я не стану этого делать, – ответил Гэбриэль.

– Так кто из нас трус? Ты хочешь убить меня? Возьми свой болт-пистолет, наведи на меня, скажи «отец, ты ни в чем не виноват» и спусти курок.

– Нет, – произнес Гэбриэль без намека на эмоции, – я пришел сюда не чтобы убивать тебя, а чтобы ты сам мог оборвать собственную жизнь.

Гэбриэль положил на алтарь болт-пистолет.

– Восстанови свою честь. Сделай, что должно, и позволь мне запомнить тебя героем, а не трусом. В магазине лишь один болт – для тебя.

Гэбриэль смотрел на отца, пока вокруг них кружила осыпающаяся с потолка пыль, потревоженная усиливающимися толчками. Эсмонд взглянул на болт-пистолет и поднял его, хотя вес и размеры оружия были слишком велики для его слабых рук.

Старик покачал головой.

– Ты лжешь, – произнес он, опустив пистолет, – тот, кого я вырастил, никогда не оставит заряженным оружие, из которого может быть убит. И если бы ты даже был настолько глуп, я все равно не обращаю его против себя. Пусть лучше кровь будет на твоих руках, чтобы ты никогда не смог ее смыть.

Гэбриэль забрал пистолет с алтаря и извлек обойму.

– Прячешься за приближающейся бомбардировкой? – произнес Эсмонд. – Просишь меня покончить с собой, чтобы избавить тебя от боли? Кто же теперь трус?

– Ты прав, я не настолько глуп, чтобы остаться беззащитным. – Гэбриэль извлек спрятанный в подсумке на поясе патрон и вставил его в обойму с короткой молитвой. – Но я не трус. Я убью тебя.

Он направил болт-пистолет на Эсмонда.

– Я лишь надеялся, что ты проявишь себя как тот храбрый человек, которого я помнил.

– Надеюсь, ты лишишься всего и вся, что тебе дорого, – ответил Эсмонд. – Я проклиная день, когда мать исторгла тебя из дыры между ног!

– По крайней мере, в конце у нее хватило мужества направить на себя пистолет, – произнес Гэбриэль, спуская курок.

Белые и голубые цвета Кирены исчезли, поглощенные удушливой смертью. Все что от них осталось, это завеса из черных туч и периодическое адское свечение магмы в местах, где орбитальная бомбардировка пробивала кору.

Кирена была мертва. Тем не менее, это не никак не отразилось на плотности огня продолжавшего утюжить планету из всех орудий флота.

Если Гэбриэль и видел свой пылающий мир сквозь окно в заалтарной арке правого борта, то не подал виду. Вместо этого, он продолжал стоять на коленях перед бесстрастным гроссмейстером Кваноксом, Серым Рыцарем, по сравнению с которым сам капитан казался незначительным. Кванокс выглядел внушительно в своей серебристой броне с выющимися вокруг обеих рук длинными полосами пергамента. Перед собой, текстом вперед, он держал особое постановление, в то время как облаченная в рясу с проглядывающими из под нее змеящимися трубками женщина-иерофант читала вслух:

– ...властью данной нам Золотым Троном Терры, да станет известно, что капитан Гэбриэль Анджелос действовал со всей необходимой верностью, запросив уничтожение Кирены и, таким образом, признается невиновным в запятнавшей планету ереси.

Гэбриэль принял постановление.

– Ты поступил верно, последний сын Кирены, – произнес Кванокс. – Встань же и присоединись к своим братьям как равный.

Комната взорвалась одобрительными возгласами, Кровавые Вороны обступили капитана, поднимая его с колен. Кванокс еще раз кивнул и покинул комнату в сопровождении иерофанта, оставив Воронов праздновать.

Гэбриэль сохранял мрачное выражение лица даже после того как были провозглашены тосты за его невиновность и Кровавые Вороны разбились на небольшие группки, обсуждая свои недавние подвиги на теперь уже мертвом мире. Только Исадор остался

рядом с капитаном.

– Осторожнее, – тихо произнес Исадор, кивком указав на постановление.

Гэбриэль внезапно осознал, что сжал его так сильно, что смял пергамент. Он ослабил хватку, но выражение лица не изменилось.

– Я подумал, ты должен знать, – произнес Исадор. – Мы покидаем орбиту завтра, духи машин уже готовы.

– Я думал мы останемся здесь на неделю, – возразил Гэбриэль, моментально забыв о грусти.

– Флот останется, но мы отправимся сопровождать боевую группу «Адский Дозор». Флот орков вошел в систему Тартарус и Империя отправляет нас разобраться с вторжением.

– Тартарус? Почему это название кажется мне знакомым? – спросил Гэбриэль.

– Это мир паломников с очень важными святыми. Он лежит вблизи Ока Ужаса и пережил несколько черных крестовых походов.

Гэбриэль усмехнулся:

– Теперь вспомнил. Хорошие библиотеки?

– Так считают, – произнес Исадор с ухмылкой. – Там есть несколько томов, в которых остро нуждается библиотека ордена.

– Отлично. Ты сможешь найти все, что нужно после того, как мы разберемся с орками.

После последних двух недель, – произнес Гэбриэль, не отрывая взгляда от Кирены, – участие в небольшой войне будет приятной переменой.